

Татьяна Коростышевская

Огонь блаженной Серафимы

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Берендийский сыск

Татьяна Коростышевская

Огонь блаженной Серафимы

«АЛЬФА-КНИГА»

2020

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Коростышевская Т. Г.

Огонь блаженной Серафимы / Т. Г. Коростышевская —
«АЛЬФА-КНИГА», 2020 — (Берендийский сыск)

ISBN 978-5-9922-3172-4

Чародейскому сыску приготовиться! Умница, красавица, богачка, дочь загорского миллионщика, невеста сиятельного князя, сама Серафима Абызова решила на вакациях посетить Мокошь-град! Зачем? Да кто их, сновидиц блаженных, разберет? Но кавардак грядет знатный, уж будьте уверены.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3172-4

© Коростышевская Т. Г., 2020
© АЛЬФА-КНИГА, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава первая,	7
Глава вторая,	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Татьяна Коростышевская

Огонь блаженной Серафимы

Пролог

Надворная советница Попович из чародейского приказа боялась покойников. Про то все знали, поэтому разбойные приказные наблюдали действия конкурирующей службы со скрытым злорадством. Явилась, главное, фу-ты ну-ты, мундир с петличками, воротничок крахмальный, очки еще, хотя всем известно, что зрение у советницы отличное.

– Тело опознали? – спросила Евангелина Романовна, поздоровавшись и кивнув сопровождающему ее младшему чину, чтобы доставал самописец.

– Девица Бобынина, двадцати семи лет. – Сыскарь Толоконников с преувеличенной предупредительностью увлек чиновную даму поближе к труп. – Сами убедитесь.

Попович взглянула и позеленела лицом, вызвав ожидаемое удовольствие присутствующих.

– Мы бы господ чародеев не тревожили, – продолжал Толоконников, – но...

Окончание фразы он подвесил нарочно. Чтобы помучилась чиновная барышня, чтобы все свои грешки либо огрехи припомнила.

Попович бровки над очками подняла и с нажимом переспросила:

– Но? – Повернулась к младшему чину. – Пиши, Митрофан. Протокол осмотра, дом Бобыниных на Голубой улице, седьмого серпня утро...

– Дом-то непростой. – Толоконников воздел перст к потолку. – Чародейка неординарная здесь проживала. Почитай, что ни день, про нее газеты пишут. Давеча, к примеру, в «Пыжике» сообщали, что известные всем девицы А. и Б....

– Труп девицы, – не отвлекшись, продолжала Попович, – в двух аршинах от входной двери, головой повернут к окну, у правой руки...

Она присела, рассматривая что-то на ковре:

– ...склянка с остатками мутной жидкости, судя по запаху, предположительно мышьяк.

– Очень на самоубийство похоже, – кивнул Толоконников. – Приняла девица яду, как то у столичной молодежи модно, да и упокоилась. Думала, найдут ее, красивую, в прическе да с ликом намазанным, только просчиталась. Рвало ее перед смертью, извольте посмотреть, да судорогой скорчило.

– Так отчего же тогда, Степан Андреевич, – резко спросила Попович, – вы из чародейского приказа нас затребовали? Ты, Митрофан, укажи в протоколе, что следов магического воздействия не обнаружено.

Толоконников взвился было, чтоб наглуую девицу на место задвинуть, но та вдруг ахнула, еще пуще позеленев, и, встав на четвереньки у трупа, принялась елозить во рту покойницы пальцами.

– Евангелина Романовна? – Толоконникова и самого замутило. – Что вы творите?

Покойница дернулась конвульсивно, и ее вытошнило на ковер.

– Лекаря зовите, – скомандовала Попович. – Жива ваша девица Бобынина и, даст бог, до двадцати восьми годков доживет.

Уже в прихожей, безуспешно оттирая мундир от следов рвоты, надворная советница Попович задумчиво говорила приказному секретарю:

– Про то, что разбойные нынче обмишурились, мы хвастаться не должны. Ну, то есть, позлорадствуем тихонько в узком кругу, да и довольно. Надо же, так спешили нас озадачить, что в смерти пострадавшей не убедились. Какой конфуз! – Она вполне похоже изобразила

жеманное хихиканье. – А вот с неординарной чародейкой, про которую газеты пишут, придется беседовать и с неординарным чародеем, про которого пока умалчивают. Во избежание и для предупреждения... Девушки А. и Б. сидели на трубе...

Глава первая, в коей столичной публике демонстрируются не лучшие качества загорского купеческого сословия

Сердце учитъ насъ сострадать несчастіямъ ближнихъ и относиться къ нимъ съ добротою, какъ бы мы сами поставлены ни были – это знаніе свѣта; здравый смыслъ убѣждаетъ насъ уважать заслугу, какое бы мѣсто въ обществѣ она ни занимала – это вѣжливость; тактъ подсказываетъ намъ, когда мы должны прощаться, чтобы не показаться навязчивыми – эта подчиненіе свѣтскимъ законамъ.

***Жизнь в свете, дома и при дворе. Правила этикета, предназначенные для высших слоев России.
1890 г., Санкт-Петербург***

Мокошь-град встречал меня с неуместной торжественностью. Мне хватило бы и нарядных белоснежных сугробов, и разлапистой, украшенной фонариками ели, установленной на главном вокзале, и родной, отовсюду звучавшей речи. Но Маняша рассудила иначе.

Когда я спустилась по ступенькам из вагона первого класса, она махнула рукой, и над перроном грянула приветственная песнь, исполняемая под гитары неклюдским ансамблем.

– Ну что за дикость, – троекратно расцеловавшись с нянюшкой, пожурела я ее.

– Гуляй купечество! – ответила она и повертела меня из стороны в сторону. – Загорела как, чисто чернавка, а уж исхудала... Голодом, что ли, морили?

– Отъемся, – пообещала я. – Как без меня поживала, Мария Анисьевна? Вижу, совсем не изменилась.

– Тосковала, – Маняша поправила вдовий плат, – денечки считала до твоего возвращения. Мырра Наташка совсем прислугу заездила, как письмо от Карпа Силыча получила.

Она лихо перехватила чарочку, что вот уже несколько раз пытался поднести мне веселый неклюд, и закусила огурчиком.

– Благодарствую, человек. Теперь душевное что-нибудь исполните.

– Про багаж распорядись, – дослушав слезливый романс, попросила я, – и извозчика кликни.

Маняша распоряжалась мановениями, махнула огурчиком, и, будто по волшебству, рядом появился вокзальный служитель, махнула сызнова полной чаркой, четверо носильщиков принялись выгружать кофры с сундуками.

– Папенька велел полный гардероб заказать, – видя ее удивление, принялась я оправдываться, – не желал, чтоб его доченька в столицах немодной показалась. А с лета, представь, в женской моде кое-что изменилось.

– Барышня Абызова, – учтиво обратился вокзальный служитель, – извольте к лошадиному вагону подойти, там ваша... ваше... бесится оно...

Я отпихнула белозубого неклюда, который выводил рулады, склонившись к моему плечу, и побежала к хвосту поезда.

И нисколько оно не бесилось, оно просто не понимало, чего от него пытаются добиться эти странные людишки.

– Словами потому что разговаривать надо, – ругалась я на работников. – И ничего он на вас не бросался. Ну, ладно, бросался, от радости. А зубы скалил, потому что улыбался приветливо. А я говорю, приветливо.

Пока Маняша раздавала страдальцам денежку для поправления душевного здоровья, я взбежала по мосткам и отперла двери загончика.

– Это что за чудо-юдо? – ахнул неклюд, который, оказывается, все это время за мною следовал. – Уж точно не лошадь, я-то в лошадях понимаю.

– Это Гаврюша, – почесала я мохнатое ухо, не неклюдово, кошачье. – Гавр, скажи «здрасьте» дяденьке.

– Ав-р-р.

– Послушный мальчик. Фу! Сплюнь попону! Она грязная, опять животом маяться будешь!

– Грифон? – без испуга спросил неклюд. – Горгулия иноземная? Это сколько же такая животино стоит может?

Сонный кот Гавр, рост которого в холке достигал уже полутора аршин, просочился мимо меня и спрыгнул на перрон.

– Ав-р! – завопил он радостно. – Ав-р-р-р-р...

– Снег очень обожает, – пояснила я в пространство.

Гаврюша как раз поднимал снежные вихри распахнутыми крыльями.

– А кормить его как? – размышлял неклюд. – Он же жрет небось?

– Конечно, жрет, – согласилась я, наблюдая, как, пообвыкший к обстановке, Гавр изымает соленые огурцы и караваи у публики.

Лоточник с баранками лишился товара в мгновение ока, кот поискал, чем еще закусить, и принялся жрать снег.

Надо ли говорить, что весь мокошьградский вокзал воспринял наше отбытие с облегчением?

Извозчик не понадобился. У главного входа ожидала нас вереница запряженных тройками саней, куда погрузились и мы с Маняшей, и многочисленный багаж, и неклюдский художественный табор. Гавр бежал следом, пугая своим видом как лошадей, так и прохожих.

– Гуляй, купечество! – вопила пьяненькая Маняша. – Уж такие мы, загорские!

Наутро в свежем номере «Мокошьградского вестника» почтеннейшие горожане могли ознакомиться с заметкой, в которой клеймились нравы современной золотой молодежи и указывалось на необходимость ужесточения законов, касаемых содержания в домохозяйствах экзотических животных. Легкомысленный «Чижик-пыжик» сообщал своим читателям, что очаровательная барышня А. – невеста небезызвестного князя К., отпущенная на вакации из закордонного учебного заведения, выглядела уставшей и невеселой, видимо вследствие неприглядных слухов о поведении жениха, просочившихся даже за границы империи, что одета она была выше всяких похвал, и что, судя по количеству багажа, собирается знакомить с мировыми модами местное общество. А ежемесячный альманах «Флора и фауна Берендийской империи», правда не на завтра, а в положенный день, поместил сравнительный очерк на тему грифонов и прочих крылатых созданий семейства кошачьих.

– Мне не хотелось Наталью Наумовну стеснять, – жаловалась я по дороге Маняше, перебивая музицирование неклюдов, набившихся во вторые сани. – Но батюшка велел приличия соблюдать и для того у Бобыниных селиться.

– В тесноте, да не в обиде, – кивала нянька рассудительно. – Аркадий Наумович решил для тебя весь второй этаж освободить, сам в кабинет переехал.

– Чудесно, тогда Гаврюша сможет прямо с балкончика на прогулку отправляться.

– Ты, что ли, этого элэфанта сизокрылого в доме держать будешь?

– Прикажешь собачью будку ему во дворе поставить? Он к теплу привык да к ласке.

– Экая цаца!

С шумом и песней въехали мы на Голубую улицу, пронеслись по ней под взглядами прилипших к окошкам жителей и остановились у ворот бобынинского особняка.

Сквозь кованую ограду было видно, что фасад недавно обновили. На крыльце меж античных колонн распахнулись двери, и на дорожку выбежала пухлая девица в черном платье с передником.

– Добро пожаловать, госпожа, – закричала она. – Гаврюша? Да тебя не узнать! Баюн, чистый баюн!

Крахмальный чепец трепетал на зимнем ветру.

– Марта! – крикнула я в ответ. – Девица Фюллиг, как я рада тебя видеть!

– Я твоих ружанских горничных не хотела, – чопорно сказала Маняша, – но обе они контрактами махать принялись, так что пришлось в столицу с собою везти.

– Марта, – поздоровалась я с девицей Царт, которая тоже появилась у ворот.

Неклюды сызнава запели.

– Отпусти ряженных, – велела я Маняше, догадавшись, что хозяйка дома ко мне выходить не собирается. – Это уже нелепо.

Нянька фыркнула, но приказ исполнила. Сани заехали в ворота, я, оставив багаж на Маняшу и двоих бобынинских работников, поднялась по ступенькам. Гавр шел со мной, Марты забежали вперед, чтоб придержать створки.

Наталья Наумовна подняла глаза от вышивания:

– Фимочка... Животное придется оставить на улице.

– Ав-р?..

– Не волнуйся, разбойник, – погладила я полосатый бок, – тетя Наташа так шутит. Ты сейчас в мою спальню отправишься и будешь там тише мышки сидеть, договорились?

Я кивнула горничным. Гавр их признал, ластился к толстухе-Марте, бодая ее в мягкий бок, и без возражений пошел за девушками вглубь дома. Невзирая на свои внушительные размеры, в движениях сонный кот был плавлен и осторожен. За сохранность обстановки опасаться несколько не приходилось.

Я бросила в пустое кресло муфту, расстегнула шубку, отправив ее туда же, и пересекла гостиную, оставляя мокрые следы на ковре.

– Ну здравствуй, Наталья Наумовна, – наклонившись, я чмокнула воздух у кузинных щечек, как у нас, у барышень, полагается.

– Прости, Фимочка, – Натали слабо приподнялась, чтоб без сил опуститься обратно, – нездоровится мне нынче, оттого и выйти к тебе не смогла.

– Какая жалость, – вздохнула я неискренне. – Тогда, милая, утомлять тебя не буду. Поздоровалась, и довольно, к себе отправлюсь и попытаюсь не шуметь. Аркадий Наумович на службе? Я засвидетельствую ему почтение после.

– Ни в коем случае! – Мое отступление прервал энергичный возглас от входной двери. – Серафима Карповна, кухня моя драгоценная! Едва успел.

Господин Бобынин был с улицы, на плечах бобровой шубы серебрился снег. Удостоив меня родственных объятий и троекратных родственных же лобзаний, Аркадий сбросил верхнюю одежду на руки лакею, ему же отдав трость.

Ранее лакея у кузена не водилось, впрочем, я догадывалась, что папенька немного расстарался облегчить нам всем совместное проживание. Как мог, то есть денежкой.

В отличие от сестры Аркадий лучился радушием и приветливостью.

– Присаживайся, Фимочка, удостой родича беседой. Где побывала, что увидела да не слишком ли утомительна оказалась дорога?

Пришлось занять место за столом и по порядку отвечать.

– Вакации у меня нынче. Обучаюсь в университете, в Гишпании, оттого, что именно тамошние чародеи в огненных силах поднаторели. Ничего особого не видала, ибо за книгами ежедневно корплю от рассвета до заката, а иногда и после оного. От гишпанского порт-оф-Виго плыла на парходике до Марсея, а там поездом добралась до отчизны. Поезд гнумский.

комфортный, так что нисколько не утомилась. С бабушкой свиделась ненадолго, слишком уж он коммерцией занят.

Врала я вдохновенно, при сем умудряясь вообще ни в чем правды не сказать. Ну, может, про коммерцию только. Но даже занятость не мешала нашему с отцом общению. Это он все придумал: и историю про путешествие, и доставленный к последней приграничной железнодорожной станции багаж. Иначе я в Мокошь-град как была явилась: в холщовых штанах и рубашке, босая и верхом на крылатом коте. Учитель, кстати, так бы и сделал. Он вообще условностями себя не утруждает. Бабушка за это величает Гуннара блаженным, а тот его в ответку – мелочным грошелолюбом. После они принимаются драться на шпагах или плевать горохом, кто дальше. А покорная дочь и ученица, я то есть, не изгоняет этих расшалившихся мальчишек из своего сна.

– Долго ли предполагаешь в столице пробыть? – отвлек от воспоминаний вопрос кузена.

– До Рождества, после в университет вернусь.

– Чуть больше двух недель, – сказала Натали, подсчитывая что-то на пальцах. – В пост особых приемов не намечается, но к шестому сечению изволь бальный наряд иметь.

– Я выезжать в свет не собираюсь.

– Думаю, у твоего жениха, – тут Натали сложила губы в куриную гузку, – другие на сей счет планы. Рождественский цесарский бал – великолепный повод свою невесту императорской чете представить.

Я с отвращением ощутила кольцо на безымянном пальце:

– Не думаю, что до этой даты в Мокошь-граде задержусь.

– Ну-ну...

Разговор плавно угасал. Возбуждение Аркадия уступало место апатии, зрачки серых глаз, поначалу огромные, сжались в черные точки, он скрывал зевоту, поглядывая на дверь, и потирал свою тяжелую лошадиную челюсть. Брат с сестрой были довольно меж собой схожи, оба светловолосые, худощавые, с тонкими губами и вытянутыми лицами. Но если Натали в манерах демонстрировала томную расслабленность, Аркадий Наумович являл собою воплощение экспрессии.

Поинтересовавшись у Натали, подыскала ли она себе новую горничную взамен уволенной на Руяне Лулу, и узнав, что Наташеньке приходится справляться самой, лишь иногда упрямившись помочь моих многочисленных бездельниц-служанок, я выразила ей сочувствие и сообщила, что вынуждена покинуть столь приятное мне общество родственников.

– Отдохнуть прилягу.

Меня не задерживали. По изогнутой лестнице я поднялась на второй этаж и толкнула дверь спальни.

– Утомони своих сарматок, дитятко! – Маняша стояла в центре ковра и бесшумно топала ногой.

Означенные сарматки сидели рядком на козетке в углу, широкую же двуспальную кровать почти полностью заняла туша сонного кота Гавра. Гавр спал. Ну это у него обычно; ежели не кушать, то спать, ежели не спать, то хоть подремывать.

– Мария Анисьевна нас выгоняет, – наябедничали Марты. – Мы в смежной комнатке расположиться желаем, чтоб вам в любой момент услужить, а она нас в комнату прислуги на первом этаже выселить хочет.

– Потому что это я в любой момент служить должна.

– Маняша над вами старшая, – поддержала я няньку, – как она сказала, так и делайте.

Я догадывалась, что нежелание девушек со мной разлучаться, вызвано отнюдь не их преданностью мне лично, а необходимостью помогать самостоятельной Наталье Наумовне. Загоняет она мне Март, это уж как пить дать.

Маняша сочувствия не знала, в три счета выставив горничных с пожитками за дверь, она принялась распаковывать мои уже доставленные чемоданы.

– К ужину спуститься, р-раз, это лиловое, это завтра с утра можно примерить, это...

Она бормотала, развешивая наряды на плечики за раздвижными дверями гардеробного шкапа.

– Фильмотеатр желаю посетить. – Я плюхнулась на козетку, задрав ноги в премилых ботильончиках на спинку. – Давай сходим? Вот прямо сейчас же и отправимся.

– Отчего же не сходить...

– И мороженое, – я мечтательно прикрыла глаза, – чтоб с карамелью и кедровыми орешками. Помнится, заведение «Крем-глясе» неподалеку там было.

– Мороженое зимой?

– Что-то не так?

– То, что за блаженную примут, а ты, помнится, безумия паче прочего страшилась.

– Ах, Маняша, мне это теперь решительно все равно.

Больше нянька не возражала. Гавр, приоткрыв один глаз, на фильму меня отпустил, благостно рыкнул, когда я пообещала на обратном пути к мяснику забежать за вырезкой для послушного мальчика.

– Значит, как в постель чудовища этого с собою брать, тут ты согласна, – ворчала Маняша, помогая мне с шубкой. – А в город на прогулку – кишка тонка?

– С тобою время хочу провести, – отвечала я с лаской в голосе, – как раньше. Гавр мне, конечно, друг, но внимания требует, что дитя малое.

В гостиной было пусто, поэтому об уходе я сообщила лакею, чтоб передал господам, если поинтересуются.

– Извозчик! – крикнула нянька, как только мы вышли за ворота.

– Оставь, – придержала я ее за руку, – давай пешочком пройдемся, как бывало.

Мы неторопливо шагали по Голубой улице, метель утихла, холодное зимнее солнце переползло уже за зенит, готовясь погрузить Мокошь-град в ранние сумерки.

– Отродясь я с тобою здесь по сугробам не скакала, – ворчала нянька, кутаясь в тулуп и многослойные свои шали. – И холод ты никогда не обожала, когда за горами зимовали, хотела до весны на печке оставаться. Что в твоих заграничах с тобою сделали? Кедровые орехи?! От которых у тебя горло пухнет и почесотка по всему телу? И их тоже возлюбила?

– Про орехи погорячилась, – призналась я искренне. – А холод и правда приятен стал, с тех пор как силу приняла.

Обернувшись, не смотрит ли кто, я вытянула из муфты руки и сняла с правой перчатку:

– Силь ву пле!

На ладони расцвел алый огненный цветок, я дунула на него, заставляя изменить цвет, еще раз, и еще, после смяла лепестки и бросила в снег.

– Солидно, – одобрила Маняша, любясь превратившимся в лужу сугробом.

Вода моментально подернулась корочкой льда, и я не отказала себе в удовольствии проехаться по льду подошвами ботильонов.

– Как есть блаженная, – удержала меня от падения Маняша. – Так где ты теперь живешь и с кем? Предупреждаю сразу, про университеты гранадские ни слову не верю.

– И правильно не веришь. Папенька туману напустил столько, что кто угодно усомнится. Учитель у меня личный, навроде гувернера. Он странненький довольно, не каждого к себе приблизить решается, но ежели согласится, то ученик как в рабство попадает. Ничего мне не позволяет, ни писем кому писать, ни книжек для развлечения читать, ни...

– Ты с ним вдвоем, что ли, живешь?

– Вдесятером, – доверительным шепотом сообщила я. – Он и учеников девять, я девятая, я отпираю, я запираю.

– Девушки есть? – Маняша тоже шептала.

– Нет! Я единственная.

Мария Анисьевна застыла, будто громом пораженная. Солидному господину в цилиндре дорогу заступила, тот обозвал ее теткой и даже замахнулся, чтоб в спину пихнуть, да после остыл, разглядев меня.

– Простите, – пискнула я карамельно и потащила няньку под руку. – И нечего ошеломляться, огненные стихии обычно женскому полу не достаются... И ничего не скандально, если никому не расскажешь, то и не оконфузишь меня перед обществом.

Трепцать без умолку пришлось еще с четверть часа, пока Маняша не начала вяло отвечать на расспросы.

– Чего было? Лежала, стало быть, в госпитале, дня три уже лежала, все удивлялась, что ты меня проведать не спешишь. После барышня Бобынина явилась с рассказами. Так, мол, и так, Маняша, сказывала, отбыла твоя хозяйка в дали дальние, а в какие, нам, людям простым, знать не положено. Перед отбытием с князем Анатодем обручилась.

Тут нянька неодобрительно покачала головой.

– Господин Зорин не заходил? – спросила я с преувеличенным равнодушием.

– На Руяне? Нет, тогда мы с ним не виделись. Барышня Бобынина сказала, что Ивана Ивановича служба срочно в столицу призвала. А здесь-то, в Мокошь-граде уже, беседовали неоднократно, всякий раз, когда он с визитами к Наталье Наумовне является, ко мне заходит поздороваться.

– Часто?

– В неделю раза два, – охотно отвечала Маняша. – Догадываюсь, что после того, как ты князю Кошкину поклялась, статский советник на Наташку перекинулся. Она уж его привечает, будьте уверены. Клавикорды новые в гостиной видала? В четыре руки музицируют, голубки наши.

В витрине дорогого магазина отразилось мое искаженное страданием лицо. Маняша же, ничего не замечая, продолжала:

– А на прием у генерал-губернатора, ну который перед самым постом был, вместе отправились. Иван Иванович за Натали заехал фронт фронт, в парадном мундире, с букетом, она тоже расстаралась куколкой перед ним предстать...

– Какая прелесть! – перебила я ее, указав на выставленное в витрине платье. – Желая немедленно его примерить.

И толкнула стеклянную дверь магазина.

Одного платья, чтоб успокоиться, мне не хватило, попустило на четвертом, да и то после того, как взопревший работник подобрал к нему туфли, шляпку и матерчатую, расшитую стеклярусом сумочку.

Время примерки нянька проводила пречудесно, посиживала на пуфике и закусывала поднесенный чай пирожными из соседней кондитерской. Надписывая на карточке адрес, куда требовалось доставить мои покупки, я поняла, что голодна.

Об этом и сообщила няньке, оказавшись сызнова на проспекте. Та мысли о трапезе разделила:

– Отыщем сейчас ресторацию, морожеными с пирожными сыт не будешь.

– Грибов хочу, – решила я, прислушавшись к урчанию желудка, – жаренных со сметаной лисичек. Не сезон? Не получится?

Нянька на этих словах хихикнула, ткнув vareжкой в вывеску, на которой вязью написанным «Жарю-парю» было изображено грибное семейство.

Заведение классом не отличалось, так себе харчевня. Но столы были чистыми и пахло хорошо, домашней стиркой и печным дымом. К нам подскочил половой в подпоясанной рубахе:

– Чего бырышни изволят?

Он провел нас через залу, потолок которой намекал, что в прошлой жизни ресторация была обычным подвалом, к дальнему столику у полукруглого высокого оконца.

– Грибочков? – Парень лихо отхлестал полотенцем столешницу. – И грибочков со всем уважением поднесу. Грибочки у нас замечательные, потому как только в нашем заведении их умеют без мочения либо квашения с осени в свежести сохранять. И дороговизна сохранных амулетов нас в стремлении гостей порадовать не остановит. Заведение у нас препопулярное, все мокошьградское чиновничество столуется, все солидные люди...

Маняша помогла мне разоблачаться, потом и сама рассупонилась, половой одежду подхватил, пристроил на вешалке в углу.

Заверениям его в популярности ресторации, или все же трактира, безлюдие оного противоречило.

– Обеденное время уже закончилось, а для вечера еще не подошло, – будто услышав мои мысли, сообщил половой. – На час раньше и мне для вас свободного местечка отыскать бы не удалось.

Наконец он удалился на кухню.

– Вот ведь болтун. – Я цапнула из вазочки горбушку и обильно ее посолила.

– Оголодала ты, дитяtko, – пожалела Маняша, наблюдая как я вгрызаюсь в хлебушек.

А у меня тем временем кусок в горле встал. Потому что в залу вошли те самые анон-сированные парнишкой столичные чиновники. Они оживленно беседовали, стряхивали снег, топали ногами. Трое мужчин и дама, тоже чиновница. Самый из них молоденький даму обхаживал, стоял с протянутыми руками, чтоб принять шинель. Женщина была хороша. Рыжая, а хороша как картинка. Личико точеное, с широкими скулами и аккуратным подбородком, глаза зеленющие, что твои смарагды. И сложена на диво соразмерно. Я пялилась на нее, чтоб не переводить взгляда на самого высокого из ее спутников, на статского советника Зорина.

– Битый час тебя, Эльдар, ожидали, – разносился под сводами зоринский бас, – обеденное время упустили.

Господин Мамаев что-то отвечал, но смысл ответа до меня не дошел.

– Иван Иванович! – воскликнула Маняша, остановив тем самым мою попытку спрятаться под стол. – А мы туточки с Серафимой!

Пришлось кивать в ответ на приветствие, улыбаться, представляться. Молодого звали Митрофан. Отчество его было Митрофанович, а фамилия Губешкин, поэтому предпочитал он обращение по-простому, лишь по имени.

Прибежавший на шум половой выслушал чиновничий заказ, заверил, что все исполнит в лучшем виде и поинтересовался, где господам удобнее откусать будет, потому что он может столы и сдвинуть для удобства застольного общения.

Зорин принялся махать в другой конец залы, на что Маняша завопила, что спасителя своего рядом видеть желает. Я украдкой откусывала от горбушки, ожидая, пока весь этот балаган закончится.

– Вы мне снились, – тихонько сказала рыжая, присаживаясь на соседний табурет.

Я покраснела и с усилием проглотила безвкусный хлеб. Позорище ты, Серафима, как есть позорище. Ну давай, ответь: «А вы, Гелюшка, мне. Помнится, в слезах пробудилась, когда выяснилось, что надворная советница Попович – не вобла сушеная, а красotka каких мало».

– Забавно, – удалось выдавить вместе с жалкой улыбкой.

– Да уж. – У Евангелины улыбка получалась искренней, от нее на щеках чиновницы появились премилые ямочки. – Забавно, не то слово, перепугалась я преизрядно, особенно крылатого кота. Представьте, с вами было полосатое чудовище, которое скалило на меня зубы, и...

– Не начинай, букашечка. – Эльдар Давидович присел напротив, упер локоть в столешницу и опустил подбородок в раскрытую ладонь. – А то барышня Абызова решит, что в чародейском приказе служат склонные к фантазиям натуры.

Потом, к моему удивлению, господин Мамаев извлек из кармана гривенник и щелчком отправил монетку Евангелине.

– С паразитическими словами воюем, – сообщила мне чиновница в той же доверительной манере. – Эльдар «букашечками» грешен, а я...

Она посмотрела на чародея, замершего в ожидании, и хихикнула:

– А я слова своего не произнесу, чтоб попусту не раскошелиться. У вас, Серафима Карповна, паразитические слова имеются? Желаете в наш клуб вступить?

Зорин сел напротив Попович и на меня не смотрел.

– Серафима Карповна лишена недостатков.

– Ах, – тоненько протянула я, – невыразимо приятно получить комплимент от вашего высокородия.

Болван Иванович томность проигнорировал, занявшись рассмотриванием столовых приборов. Зрелище его увлекло не на шутку.

– У меня от голоса Серафимы Карповны мурашки по позвоночнику побежали, – вдруг сказал Митрофан, сидящий у торца стола. – Такие узнаваемые вибрации...

– Это оттого, юноша, – пояснил Эльдар, – что барышня Абызова нам с тобой некоторым образом коллега. Не правда ли?

Он раскрыл ладонь, на которой плясал крошечный пламенный человечек.

– Одни чародеи кругом. – Геля притворно вздохнула. – Чем ответите, Серафима?

Я полюбовалась огненным танцем.

– К прискорбию, ответить мне нечем. Я, Евангелина Романовна, тонкостям ремесла не обучена, у меня по берендийской поговорке – сила есть, ума не надо.

– Мастерство – дело наживное, – утешил Эльдар. – Если пожелаете, с удовольствием несколько уроков вам дам.

– У жениха барышни Абызовой не забудь разрешения спросить, – сказал Зорин, хлопнув по ладони друга, – а также у прочих... гм... обучателей.

И пока половой не принес нам обед, Иван Иванович беседовал с Маняшей, для чего ему пришлось пересесть ближе к ней.

Кушанья были на славу. Я, поглядев на отменный аппетит барышни Попович, и сама не отставала. На запивку подали квас, и этот простецкий напиток оказался уместен.

– Мы в фильмотеатр после собираемся, – говорил Мамаев, – премьерный показ сегодня.

– Какая фильма?

– Не помню названия, – отвечала мне Геля. – Что-то про полонянку определенно, и непременно романтический герой ее сперва в цепи заточит, а потом влюбится.

– Потому что Бесника только в таких историях и снимают, – веселился Эльдар. – Там наш хороший знакомец, Серафима Карповна, лицедействует, в фильме этой. Ник Бес, слышали?

Я отрицательно покачала головой, видно, новый актер. Ник Бес, это Бесник, только слоги переставлены? Как забавно!

Дальше Геля с Мамаевым принялись спорить, хорош или не очень сей Бес в лицедействах.

С удивлением я поняла, что находиться в одной компании с приказными сыскарями мне приятно. И Попович, эта кошка рыжая, невероятно нравится мне.

Когда пришла пора расплачиваться, случился небольшой конфуз. Мария Анисьевна возопила, что мы просто обязаны угостить спасителей, Евангелина Романовна твердила что-то о суфражизме, а Эльдар Давидович предлагал раскошелиться Ивану, потому что у него, как у начальства, денежка на пропитание личного состава в бумажнике шелестит.

Половой переводил взгляд с лица на лицо, бормоча:

– Уж я-то точно за вас всех платить не собираюсь.

Зорин сказал Маняше, что ее благодарственный обед желает приватно получить, Евангелине, что она номинально на службе и чтоб не смела барышню Абызову, без пяти минут княгиню, суффражизмом смущать, и передал счет Мамаеву:

– Штраф за опоздание тебе будет. И вообще, сегодня твоя очередь.

На дворе уже стемнело, снежинки искрились в фонарном свете.

– Серафима, Мария Анисьевна, вы с нами? – Геля намотала поверх шинели толстый вязаный шарф, но все равно заметно мерзла.

Зорин с Митрофаном откланялись, у них были еще дела в приказе. Я же загрустила. Фильмотеатр уже не влек, даже и с предвкушаемым всей компанией мороженым в «Крем-глясе».

Мамаев все решил за меня, подхватил под руку Маняшу и потащил по проспекту.

– Сейчас начнет «букашечками» сыпать безнадзорно, – улыбнулась Геля, вокруг губ у нее виднелась голубая морозная каемка.

– Руки дайте, – велела я, снимая свои перчатки и засовывая их в висящую на груди муфту.

Перчаточки у Попович были тонкие, казенные, нитяные. Дрянь, а не перчатки. Мои пальцы скользнули к запястьям, остановились у пульсирующих жилок.

– Серафима, жги, – пробормотала я себе под нос и пустила от кончиков пальцев чуток силы, она вошла в вены иглками, растворяясь в кровотоке.

– Перфектно! – по-детски восторженно сказала Геля. – А Эльдар так не может.

Щеки ее порозовели и дрожать чиновница прекратила.

– Наверное, потому, что по военной линии раньше служил? – Я взяла ее под руку, потому что идти на каблучках по снегу было не особо удобно. – Тогда он скорее на нападение заточен.

– Точно. Они все бывшие военные: и Мамаев, и Иван, и... шеф наш Семен Аристархович.

– Который предпочитает с подчиненными не обедать?

– Ах нет, – горячо возразила Попович, – шеф вовсе не такой, он с нами все делит, и горе, и радость, и...

Я вспомнила Семена Аристарховича Крестовского, который верной собачонкой служил канцлеру Брюту, и мысленно хмыкнула.

– А давайте крюк сделаем? – предложила спутница. – Тут мостик пешеходный один есть, достопримечательный, очень уж его вам показать хочется. Вы же нечасто в Мокошь-граде бывали?

Четыре крылатых статуи украшали перила моста. Эх, хотела же белый мрамор заказать, да скульптор на черном настоял. Получилось, что коты были ониксовыми, а крылья их – золочеными. Дорого, богато, не похоже.

– Примерно такое же чудовище мне снилось, – сказала Попович.

– Ужасно.

Что еще говорить, я не представляла. То, что я сновидица, знать должно как можно меньше народа. По крайней мере, в нашей богоспасаемой отчизне. Да и признаваться, что я ее из ревности страдала, чиновнице не хотелось. Стыдненько было.

– Порассматривайте еще, – предложила Попович. – Давайте каждого котофея в подробностях изучим.

– В смысле?

– За нами слежка, – задрал голову к статуе, сказала Геля. – Не оборачивайтесь. «Хвост» по-нашему. От «Жарю-парю» ведут. Минимум четверо, сменяются каждый квартал, чтоб глаза не намозолить. Эльдар либо ваша нянька им нелюбопытны, они не разделились, когда разделились мы.

За спиной скрипнул шагами снег, я повернула голову. По тропинке приближался к нам мастеровой в тулупе. Обыкновенный мужичок с деревянным ящиком под мышкой.

– Перфектно. А револьвер я в приказе оставила. Вы не до смерти огнем кидаться можете, барышня Абызова?

Я в ответ уронила искру под ноги:

– Который злодей, в тулупе?

– Сзади!

Повернуться не успела, проклятые каблуки скользнули в луже растопленной воды, и я упала, к счастью потеряв сознание прежде, чем ушиблась.

Снов не снилось, уж об этом учитель Артемидор позаботился. Я вынырнула из чернильной тьмы сначала слухом.

– Гелюшка, – сокрушался знакомый голос, – да как же так? Работнички! Надворную советницу от загорской няньки не в состоянии отличить!

– Виноваты, ваше высокопревосходительство, – шамкал голос незнакомый, – обознатушки получились. Только и госпожа Попович разбираться не стала, вон как нас отметелила.

– Потому что по уставу сперва представиться должно. – Это говорила Геля. – А то, как тати ночные, напрыгнули на девиц. Они ведь напрыгнули, Юлий Францевич. Этот, который без зубов, еще и палкой госпожу Абызову огрел.

– Я тогда еще с зубами был!

– Не махал бы палицей, с ними бы и оставался! Юлий Францевич, налицо превышение служебных полномочий.

Я открыла глаза и застонала. Ничего не болело, стонала для порядка и для подчеркивания своего страдательного статуса.

– Где я?

– Серафима? – Геля склонилась надо мной, заслонила свет настольной лампы. – Голова болит? Мутит? Сколько пальцев видишь?

– Нисколько, ты мне свет заступила.

– Не бил я ее по голове, – шепелявила фигура в дальнем углу. – А палицей по привычке замахнулся.

– Вон! – Канцлер вытолкнул беззубого за дверь.

Я с помощью Гели села на твердом диване, осмотрела кабинет, в котором кроме диванчика были лишь стол с лампой под зеленым абажуром, плотные шторы на окне и два стула. Один хозяйский, другой для посетителей. Ножки последнего оказались приколочены к полу, и на него направляла луч света лампа.

Подозреваю, что господин канцлер планировал барышню Абызову не на диванчике раскладывать, а на приколоченном стуле держать. Диванчик у него для других барышень задуман. Я даже начинала догадываться для которых.

– Евангелина Романовна, голубушка вы моя, – сюсюкал Брют, – накажу разгильдяев примерно, уж будьте покойны. Мне всего лишь с Серафимой Карповной побеседовать хотелось, а эти дуболомы разницы между арестом и приглашением понять не смогли.

Агритными пальцами Юлий Францевич убрал от Гелиного лица выпавший из прически локон. Я многозначительно кашлянула, напомнив о своем присутствии.

– Вот и подруга ваша в себя пришла. Не правда ли, Серафима Карповна?

– Желаешь о бесчинствах тайного приказа в канцелярию донести? – спросила Евангелина деловито.

– Не желаю.

– Перфектно. Тогда я в приемной тебя дождусь. Его высокопревосходительство обещал долго не задерживать, чтобы мы на фильме не опоздали.

Когда надворная советница Попович покинула строевым шагом кабинет, канцлер угрожающе обернулся:

– Зачем пожаловала?

– И не хотела даже, – пожалала я плечами, – подчиненные ваши меня сюда затащили.

– Ты мне куражиться брось! Почему ты в Мокошь-граде? Сумасшедший Артемидор выгнал?

– На вакации отпустил, с родственниками повидаться. На Рождество обратно отбуду.

– Что постичь успела? В чужие сны проникать можешь?

– Не могу. Учитель сказал, рано мне еще с тонкими мирами работать, и сновидческие способности запер от греха.

Брют походил по кабинету из конца в конец:

– Получается, ты сейчас для меня бесполезна... Зачем в чародейский сыск проникла? Встречи с Иваном своим искала? Так я тебе сразу обскажу, чтобы ты лишнего не думала. Докладывали мне, что господин Зорин к кухне твоей женихается.

– Совет да любовь, – умилилась я фальшиво. – Только вы уж, Юлий Францевич, зятя моего будущего заботою не оставляйте. Мы же про конкретного человека договаривались, а не про его при мне роль.

– Наглая ты девка, Серафима. – Брют устало опустился на диван рядом со мной. – Но это ничего, это терпимо... Ну раз все равно в столице гостишь, будет у меня тебе задание.

– Вся внимание.

– К жениху присмотрись, будь любезна. Да не к чужому, Серафима, к своему. Анатолий Ефремович тревожить меня стал.

– Князь Кошкин? И что с ним не так?

– Если б знал, ты бы не понадобилась. У меня что-то такое... – канцлер пошевелил в воздухе пятерней, – ...на уровне ощущений.

Ссориться с начальником Тайной канцелярии не хотелось. Тем паче что задание его представлялось необременительным. Искать встречи с Анатолем я не собиралась, но, ежели он сам пожелает визит нанести, отчего б не присмотреться.

– Через пару дней тебя в приказ приглашу для отчета.

– Если без палок и арестов, явлюсь с удовольствием.

– Ну так ступай! Гелюшка, поди, тебя заждалась.

Евангелина Романовна вертелась перед настенным зеркалом и пыталась наживо приметать оторванный воротничок.

– Не уберегла мундира, – пожаловалась она. – Но, к чести моей, их четверо было.

Она воткнула иглу в подушечку в форме сердца, после засунув ее в верхний ящик секретарского столика.

– Отпустил тебя его высокопревосходительство? Тогда поспешим.

У подъезда ожидал нас приказной извозчик. До филмотеатра домчались за три минуты.

– Что канцлер от тебя хотел? – спросила чиновница, когда мы входили в нарядно украшенное фойе.

– Службой озадачить. – Я высмотрела среди публики Маняшу с Мамаевым и приветственно им махнула. – Он меня личным агентом к себе определил.

– Эх, жаль ты доносить не стала!

– Кому? В тайную канцелярию на тайную канцелярию? Не смеши!

– Закон, Серафима, – сказала Попович с серьезной простотой, – один для всех быть должен. Это государственная основа, на ней вся Берендийская империя держится.

Я могла бы возразить, что держится она на деньгах, армии, несметных природных богатствах и паутине интриг, но не стала. Вместо этого быстро, пока не слышали Маняша с Эльдаром, спросила:

– Позволишь новый мундир тебе преподнести в благодарность за спасение от ночных татей?

И, расценив молчание согласием, подумала, что и перчатки Евангелине Романовне куплю новые.

Публики в фойе было презрительно разной, нарядной и не особо, дамы в туалетах для выхода в свет со спутниками, закутанные в меха купчихи, купцы, мастеровые, парочка гномов и с десятков неключдов, к счастью, без гитар.

Геля возбужденно что-то рассказывала Мамаеву, когда мы рассаживались на обитых бархатом креслицах первого ряда.

– Канцлер для доклада вызывал, – поведала я няньке, вопросов не ожидая. – В кабале я у него.

Я села почти с краю, место по правую руку пустовало.

– Что-то ты, дитятко, со всех сторон закабалилась без моего пригляда. И у учителя в рабстве, и у приказного начальника.

Я вздохнула, соглашаясь:

– Не зря я этой силы не желала, одни от нее сложности.

– Про что доложила? Чего исполнить должна?

– Господин Брют по поводу моего нареченного опасения имеет. К слову, Маняша, князь Кошкин за эти месяцы визитов вам не наносил?

– Мне-то уж точно нет.

– А вот ты, когда мне на Руяне являлась, велела его отыскать.

– Не помню, – отрезала нянька, – может, под венец тебя с ним благословляла?

– Нет, Анатолий тебе никогда не нравился, ты чего-то другого хотела.

– Тогда не нравился, а теперь я переменилась. Он, конечно, картежник и пьяница, но...

– А еще ты, когда в госпитале лежала, велела мне Зорину не доверять. Про это хоть не забыла?

– Про это как раз помню.

– Тоже переменилась? Тогда – «не доверяй», а сегодня ручками махала, что твоя мельница. «Ах Иван Иванович, ах спаситель!»

– Ты, дитятко, одно уясни, – строго сказала Маняша, – нынче ты довериться никому не можешь. Впрочем, и раньше не могла. Только в прошлом у тебя эта невозможность от слабости проистекала, а нынче от силы. Сарматки твои заполошные до сих пор по ночам орут, когда вспоминают, что их хозяйка огненным вихрем обратилась. Ты у нас кусочек нынче лакомый, от того и каждый тебя заграбастать хочет.

– А Зорин...

– А Зорин твой – служивый, он сам себе не хозяин. Конечно, Иван Иванович – мужчина приятственный и немало мне симпатичный, но рядом с тобой ему места нет. Обидит он тебя, дитятко, даже сам того не желая.

Окончание ее монолога поглотила бравурная музыка, которую начал извлекать из своего инструмента притаившийся в уголке под самым экраном тапер. С первыми аккордами свет в зале погас. «Пленница безумной страсти», – прочла я появившиеся на белой простыне буквы.

Иван Иванович потер виски и перевел взгляд от бумаг на темный прямоугольник окна.

Как же не вовремя она появилась, папина дочка Серафима Абызова. Загадочная, томная, пахнущая незнакомыми горькими ароматами. Родинка еще эта у рта...

– Отправил ценителей прекрасного на фильм? – Семен Аристархович вошел без стука и сразу набросил на дверь чары. – Митрофана куда подевал?

– Домой отпустил, присутственное время давно закончилось.

– Мамаев Гелю до дома сопроводит?

– Ну хоть здесь свой контроль ослабь, – улыбнулся Зорин. – Проводит и проследит, чтоб она тебя в приказе искать не вздумала.

– Понятно. – Крестовский придвинул стул для посетителей вплотную к столу и принялся барабанить пальцами по чернильному прибору.

Иван молчал, переживая начальственную задумчивость, после принялся складывать документы в папку.

– Злой ты, мужик, Зорин, – отмер Семен, когда тесемки папки уже завязались кокетливым бантиком, – ни слова от тебя приятного, ни улыбки.

– Когда ты в клеветы к господину канцлеру нанимался, другого отношения ждал?

Они рассмеялись и пожали друг другу руки, протянув их через стол.

– Не расслабляйся, интриган, – сказал Иван. – Давеча мне пришлось у Евангелины Романовны с боем книжицу Артемидора отбирать, которую ты на видном месте оставил. А если бы она Брюту на глаза попалась?

– Тогда бы он в случайности появления на Руяне блаженного сновидца разуверился. – Крестовский щелкнул по чернильнице. – Ну ничего, до Рождества мы этот балаган закончим фанфарами.

– Боюсь, что с фейерверком. – Зорин поморщился. – Неожиданно новый персонаж на сцену ворвался, госпожа Абызова вакации в Мокошь-граде провести желает.

– Ох!

– Вот тебе и ох.

– Дрогнуло ретивое? – подмигнул Крестовский другу. – А знаешь, ее приезд нам может на руку оказаться. Эх, жаль, блаженный Гуннар сновидчества барышню лишил, можно было бы попытаться в сон ее призвать, разведать подробности Брютовых интересов.

– Лишил?

– На время вакаций всенепременно. Когда меня удостоили аудиенцией в первый, он же последний, раз, господин Артемидор пообещал, что использовать сновидчество для мелочных наших дел не позволит. А эта безумная порода мелочными все человеческие дела мнит.

– Это хорошо, – решил Зорин, – даже замечательно.

– Но лишает нас шпиона в тайном приказе.

– Так сами, Семен Аристархович, справляйтесь.

– Куда уж мне, придержу канцлера, пока ты землю носом роешь, и то хлеб. Эх, Ванька, спровоцировать бы эту братию, чтоб высунулись, чтоб эффектно дело представить!

– Хорошо, – сказал Зорин, будто решившись на что-то. – Будут тебе эффекты.

Глава вторая, в коей проходит первое заседание клуба не желающих опеки, а второе прерывается наидосаднейшим образом

Дьвушка начинаетъ выпъзжать въ светъ въ возрасте отъ 16 до 20 лѣтъ, смотря по ея развитію и также по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, относящимся къ ея матери и старшимъ сестрамъ. Жизнь в свете, дома и при дворе. Правила этикета, предназначенные для высшихъ слоевъ России. 1890 г., Санкт-Петербург

Фильма мне не понравилась абсолютно. Глупости какие! Она, вся такая воздушная блондинка в кудряшках, он страстный неклюд. Она томилась в отчем доме, он ее похитил, она томилась уже у него, в цепях, на бархатных подушках. Он тоже томился, но страстно. Ни скачек, ни погонь, ни револьверных выстрелов. Некого господина в бакенбардах, что явился деву спасать, неклюд заколол первым же шпажным ударом и возвратился к томлениям.

– Экая лабуда, – сообщила Геля, когда мы среди прочей публики покидали по окончании фильмотеатр.

– А дамам нравится. – Мамаев улыбнулся какой-то зареванной девице. – Небось Бесника нашего теперь во снах видеть будут.

На слове «сны» я внутренне напряглась, а потом припомнила, что видала актера Беса раньше, именно что в женских фантазиях, знамо не в своих. Эх, многое бы я сейчас отдала за свой личный сон.

– Извозчика кликни, – попросила я нянюку и принялась прощаться.

И так времени потеряно много. Вместо того чтоб с Маняшей безнадзорно беседовать, сначала знакомствами отвлеклась, а после... Хотя в манипуляциях господина Брюта вины моей нет, кориться не собираюсь.

Дружелюбный Эльдар Давидович зазывал в «Кафе-глясе», но я отказалась, сославшись на дорожную усталость.

– Серафима Карповна, – шепнул чародей, склоняясь к ручке с поцелуем, – чародеек вашего уровня я прежде не встречал.

Приятный комплимент. И прикосновение было приятным, я чувствовала горячие искорки, что засветились между нами. Интересно, а жена у господина Мамаева есть? Не для себя интересно, ну, то есть, вовсе не от желания это место погреть. Просто если Эльдар холост, то как он справляется с жаром, которым наполняет его естество чародейская сила?

Маняша уже всюю командовала сугробом на облучке коляски, под сугробом был извозчик, но наружу торчали лишь руки с поводьями.

– Спокойной ночи, Серафима, – поклонился Мамаев.

Евангелина Романовна помахала мне на прощанье. По дороге Маняша восхищалась фильмой и обходительностью сыскного чародея, а я шуршала запиской, незнамо как оказавшейся в моей перчатке.

Бобынины нас не дожидались, свет в доме был потушен, только крошечный светильник горел у подножия лестницы.

– Сон свой мне сегодня отдашь? – спросила Маняша заговорщицки. – Хочется кое-кого навестить.

– Господина Мамаева или фильмового лицедея? – лукаво прошептала я в ответ. – Придется самой справляться, нянюшка, у меня, стараниями учителя, снов нет.

– Это получается, – Маняша замерла, прижала к груди руки, – я барышне Абызовой и не нужна боле? Сглаз на тебе и так сгорает, и вот...

– Нужна, – заверила я серьезно. – Может, не для дела, а для жизни, но нужна определенно.

Мы вошли в спальню, Гавр открыл один глаз, закрыл и захрапел сызнова. Нянька добрела к козетке и, упав в нее, принялась беззвучно и безутешно рыдать.

– Нянюшка, – опустилась я подле, – не кручинься, сердечко мое. Обещаю, как только Гуннар с меня запрет снимет, первый же сон Марии Нееловой будет.

– Ага, ты в своих Гишпаниях тогда окажешься, а я...

– Для сновидцев версты не помеха. Из любого мира с подарочком явлюсь, вот увидишь.

– Мира?

– Ну то есть места, из любого места, – уточнила я после паузы.

Гавр зевнул, скатился с кровати, зарычал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.